

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11'276.1

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ VS АНТРОПОКОСМИЗМ: К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

А.А. Беляцкая

Аннотация. Поднимается проблема метода лингвокультурологических исследований текста. Обосновываются введение антропокосмистского подхода, его острая актуальность и открывающиеся вместе с ним перспективы для лингвокультурологической теории и практики.

Ключевые слова: методы лингвокультурологии; антропоцентристский и антропокосмистский подходы; категории и критерии лингвокультурологического анализа текста; концепт; метафора.

1. Расширение горизонтов антропоцентрического исследования текста

Внимание выдающихся мировых мыслителей (Н.Ф. Фёдоров, В.И. Вернадский, А.К. Горский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.А. Бердяев, Н.Г. Холодный, Н.И. Конрад) [1–5] к исследовательскому потенциалу антропокосмизма подтверждает его широкие возможности для современной гуманитаристики. Предлагая антропокосмизм современной науке, многие ученые XX и XXI вв. фиксируют недостаточность столь популярной сегодня антропоцентристской научной парадигмы. Замыкая внимание человека на себе самом, отрывая его от целостного мировосприятия, вырывая из общественного бытия, антропоцентризм нарушает естественные эволюционно заданные коммуникативные, т.е. культурно-познавательные возможности. Тем не менее, будучи столь перспективным направлением, антропокосмизм все еще редко встречается в современной гуманитарной науке, а в филологии практически отсутствует. Единственной известной нам теорией, разработанной в русле антропокосмизма за последние десятилетия и потому особенно значимой для современного языкознания, является теория ноокоммуникологии Ю.П. Буданцева [6], исследующая принципы «ноосферной» коммуникации как единственно возможной стратегии человечества.

В настоящее время в одном из наиболее динамично развивающихся направлений языкознания – лингвокультурологии – доминирует *антропоцентрическая парадигма*. Ограниченность ее возможностей призна-

ется непреодолимым препятствием для филологических исследований: «...никакая парадигма до сих пор еще не решает полностью стоящих перед данной дисциплиной (языкознанием. – А.Б.) задач, более того, на некоторые вопросы ответ отсутствует полностью или настолько неудовлетворителен, что напрашивается вывод о том, что в этом виноваты *парадигматические рамки* (здесь и далее курсив мой. – А.Б.), в которых проблема формулируется» [7. С. 13].

Понятия «языковая личность», «*homo lingualis*», «человек говорящий», активно разрабатываемые в современной лингвокультурологии, свидетельствуют о фокусе на речевой индивидуальности, идиостиле, лингвокультуре в их узком понимании – как на языковых характеристиках определенного народа. Иное понимание лингвокультуры становится возможным при расширении взгляда на языковую культуру человека как на форму высшей языковой способности, достигаемой на уровне целостного, «космистского», «универсумального» мировоззрения человека. Текст, таким образом, может исследоваться именно с позиций проявления его лингвокультуры, т.е. его соответствия целостности мировоззрения, достигаемой в языке. Подобное понимание текстовой лингвокультуры расширяет антропоцентристское видение исследователя до безграничных пределов антропокосмизма, необходимого современной лингвокультурологии по целому ряду причин.

Прежде чем назвать эти причины, проведем краткий обзор существующих в современной теории текста направлений его изучения. Подавляющее большинство филологических исследований последних десятилетий проводится с позиций антропоцентризма и делится в зависимости от фокуса изучения на следующие генеральные направления:

- когнитивное (психолингвистическое): автор – текст – сознание;
- коммуникативное: автор – текст – читатель; текст – другой текст;
- культурологическое: текст – культура – текст.

Когнитивное (психолингвистическое) направление представляют И.М. Бабенко, А.А. Васильева, Л.С. Выготский, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, Ю.Н. Караулов, Е.Н. Кубрякова, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Л.В. Сахарный, А.А. Смирнов, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун, А.М. Шахарович, Дж. Лакофф, М. Тернер и др. *Эпистемологическое* изучение текста осуществляет Р.М. Фрумкина, *герменевтическое* – Г.И. Богин, В.З. Демьянков, А.Л. Брудный, Г.Д. Чистякова. Национальный компонент языкового сознания изучается отдельно в рамках *этнопсихолингвистики* (И.В. Арнольд, В.Г. Гак, Е.С. Яковлева), а культурные концепты являются объектами *лингвоконцептологии* (Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, А. Вежицкая, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, О.В. Гавриленко).

Культурологическое исследование текста (В.П. Белянин, В.В. Воробьёв) включает в себя отдельные области: *культурно-антропологи-*

ческое (К. Леви-Стросс, Э. Сепир, Б. Уорф), лингвокультурологическое (Н.Ф. Алефиренко, Э.В. Будаев, В.А. Маслова, В.В. Виноградов), структурно-семиотическое (Ю.М. Лотман, Л.Н. Мурзин, В.Н. Топоров), литературоведческое (А.Я. Эсалнек), социолингвистическое (В.И. Карасик, Т.М. Дридзе), лингвоэкологическое (В.И. Шаховский).

Коммуникативное направление представлено Ю. Хабермасом, Г.А. Золотовой, Н.С. Болотновой, И.Л. Тюковой и др. Как частные области коммуникативной теории текста разрабатываются *интертекстуальность* (Р. Барт, А. Вежбицкая, Ж. Женетт, Н.А. Фатеева, Н.А. Кузьмина), *метатекстуальность* (В.В. Балабин), *гипертекстуальность* (Т. Нельсон, В.П. Руднев, В.А. Емелин), *прагматика текста* (А.Н. Баранов, О.Л. Каменская), *коммуникативная семантика* (В.Н. Топоров, Н.С. Валгина, М.Г. Безяева), *коммуникативная стилистика* (Т.В. Жеребило).

Лингвосинергетические исследования проводят Н.Ф. Алефиренко, К.И. Белоусов, Н.А. Блазнава, И.А. Герман, Г.Г. Москальчук, Е.И. Ратникова.

Как следует из приведенного обзора, антропологический (или антропоцентрический) подход действительно обладает определенными познавательными возможностями в гуманитарном знании и, в частности, в лингвокультурологии. Так, например, в рамках культурно-антропологического подхода, разработанного культурологами Б.К. Малиновским, К. Леви-Строссом, Э. Фроммом, текст может изучаться как сложный культурный феномен, как процесс и результат непрерывного *культурно-образования*, т.е. сохранения, обогащения и передачи культурных смыслов. Каждый текст, таким образом, может исследоваться как антропология культуры со своими системами ценностей и смыслами человеческой жизнедеятельности.

При всей результирующей плодотворности данных направлений исследования текста, существует их очевидная теоретическая дезинтеграция, неизбежная при ориентированности на изучении частных аспектов текста. Об этом свидетельствует и популярное сегодня выделение отдельных узких филологических направлений (например, этнопсихолингвистики или лингвоконцептологии). На наш взгляд, большая открытость всех существующих направлений друг другу, интегрированное изучение частных аспектов текста и сочетание всех доступных методов и приемов могли бы дать весьма значимые результаты и расширить возможности антропоцентризма.

Однако простое интегрирование методов антропоцентризма оказывается недостаточным, поскольку для целостного фундаментального изучения текста необходимо выработать единый для всех направлений критериальный и категориально-терминологический аппарат. Все попытки создать единый терминологический аппарат не увенчаются успе-

хом, пока не будет разрешена главная причина существующей в современной филологии исследовательской «раздробленности» – отсутствие единого подхода.

Предлагая решение проблемы метода, антропокосмизм открывает перед современной лингвокультурологией следующие перспективы.

Во-первых, антропокосмизм расширяет возможности верификации результатов филологического знания. Так, например, изменение способов и методов исследования в сторону масштабных обобщений признавалось еще Х.-Г. Гадамером как необходимость приближения к истине: «Metodos означает путь следования. Способность вновь и вновь следовать пути, по которому уже проходили, и есть методичность, отличающая способ деятельности в науке. Но как раз это с необходимостью ограничивает претензии на истину. Если только проверяемость, в какой бы то ни было форме, составляет истину (*veritas*), то масштаб, с которым сопоставляется познание, уже больше не истина, а достоверность» [8. С. 32].

Во-вторых, антропокосмизм решает проблему критериев лингвокультурологического анализа текста благодаря системе понятий и категорий, необходимых для определения роли текста в культуре. Новой целью современного лингвокультурологического анализа текста становится определение его культурного, а именно познавательного и гуманистического потенциала, отношения его языковых средств к истине и нравственности.

В-третьих, антропокосмизм предлагает рассматривать текст как культуротворческую деятельность, как двигатель культуры, ключевым механизмом которого является ответственное гуманистическое выражение отношения к миру и человечеству. Такое понимание текстовой деятельности необходимо развивать в сегодняшнюю эпоху массового воспроизводства текстов, авторы которых, в большинстве своем, не озабочены ответственностью перед будущим человечеством за передаваемые ими идеи.

В-четвертых, антропокосмистский подход делает возможным выявить тексты, передающие идею непрерывной жизни и восходящей эволюции. «Если функция человечества – восстановление, умножение и распространение жизни на Земле и в Космосе, то и цель человечества, сознательная, бесконечная, может быть связана только с этой функцией» [6. С. 162].

В-пятых, антропокосмизм обосновывает необходимость исследования концепта и метафоры как основных лингвокультуробразующих средств, имеющих «культурноносное» значение в тексте.

Итак, антропокосмистский подход к изучению текста решает проблему критериальности и категориальности в современной филологии и, в частности, устанавливает новые способы и критерии лингвокультуроло-

логического изучения текста. Такой подход создает возможности целостного исследования текста, поскольку объединяет вышеперечисленные направления (когнитивное, коммуникативное и культурологическое) в единую методологическую цепь *«автор – сознание – культура – текст – читатель»*. Антропокосмистский подход решает в определенной мере *интегративные* задачи, поскольку соединяет вышеобозначенные подходы; но мы решительно отмежевываем его от интегративного подхода, поскольку антропокосмизм сущностно, а не формально связывает все представления о тексте, авторе, внетекстовой действительности и культуре единими ценностно-нравственными основаниями.

Антропокосмизм открывает широчайшие возможности для филологии, так как предлагает и, самое главное, дает возможность исследовать язык с точки зрения его функциональной отнесенности к истине, абсолютным ценностям и смыслу человеческой жизни. Антропокосмизм как подход открывает перспективу исследования творческих задач, целей и культурных результатов текста, утверждает гуманизм и духовное восхождение как необходимые для человечества ориентиры социокультурной эволюции, актуализирует безусловную важность включения этих категорий в теорию текста и практику его изучения – филологический анализ текста.

2. Ключевые категории филологического антропокосмизма

В смятенье мы, а истина – ясна.
Проста, прекрасна, как лазури неба:
Что нужно человеку? Тишина,
Любовь, сочувствие и корка хлеба.

А.Л. Чижевский

Для филологического анализа текста в рамках антропокосмистского подхода необходимо выявить ключевые категории и через них определить круг объектов, формирующих наши представления о ценностях, знании и истине, а именно лингвокультуру, текст и концепт.

Антропокосмизм, возникший в лоне русской научной мысли, в некотором смысле является противоположностью прагматическому подходу в американской филологии. Приведем мысль Х.-Г. Гадамера: «Там (в американской прагматике. – *А.Б.*) подлинным признаком истины считается подготовленность к ситуации. Плодотворность познания доказывается в прагматизме тем, что оно устраняет проблемную ситуацию. Я считаю, что имеющий здесь место прагматический поворот дела недостаточен. Это проявляется уже в том, что прагматизм просто *устраняет* так называемые *философские, метафизические вопросы*, поскольку для него важно только быть готовым в каждом случае к ситуации» [8. С. 35]. В противоположность антропоцентристскому прагматизму,

антропокосмизм акцентирует внимание филологов на «вечных» вопросах и способах ответов на них. «Подлинная филология есть не только история, именно потому, что сама история есть *ratio philosophandi* – путь познания истины» [8. С. 36].

Рассмотрим последовательно все основные категории антропокосмизма и определим их значимость для филологических исследований.

2.1. Аксиологические категории: истина и гуманизм

Гуманизм как идея антропокосмизма. С позиции «антропокосмистского гуманизма» (Н.Г. Холодный) [3] речевая деятельность – это деятельность не ради себя, но ради всех, не «ради Я», но «ради МЫ» (Н.Ф. Фёдоров) [4]. Основной идеей антропокосмизма является признание в качестве доминанты социальной эволюции «сверхличных ценностей», которые и создают ценность человеческой жизни (Н.А. Бердяев) [5. С. 186]. К ним относятся: вечная жизнь, связь человека с Вселенной, восходящая эволюция, истина, гуманизм, общее дело.

Таким образом, антропокосмизм решает проблему критериальности филологического анализа текста, выводя из области интуитивно осознаваемого в область разумно признаваемого – нравственного критерия оценки текста. Антропокосмизм создает исходные основания для анализа текста в культуре, а также позволяет исследовать *ценностный потенциал* текста и выявить его *нравственную направленность*.

Ценностным фоном текста при антропокосмистском анализе становятся основные нравственные категории – *любовь, добро, вера, надежда, благо, гармония, красота*, которые составляют фонд абсолютных человеческих ценностей. Нравственно ориентированные идеи антропокосмизма преломляются в *тематических вариациях*, избираемых на современном этапе развития текстового творчества: *любовь к природе, человечеству, всему живому, дружба, единение, сила духа, преодоление смерти* и т.д.

Русский писатель и выдающийся культурный мыслитель Д. Андреев предвидел золотой век будущего текстового «богосотворчества» именно как движение человека по линии «восходящей эволюции», в темах о любви, «более многосторонней, чем наша, о молодости, о радостях домашнего очага и общественной деятельности, о раздвигании границ восприятия, о стихиялях, подружившихся с людьми, о вседневной близости невидимых еще теперь друзей нашего сердца, да и мало ли о чем, что будет волновать людей тех эпох и чего мы не в состоянии себе представить» [9. С. 49]. Именно «восходящий» аспект текстовой культурной деятельности «удлиняет» вектор антропоцентризма до антропокосмизма, направляясь далее – от одного человека к человечеству, к «соборному

бытию», не замыкаясь на отдельном человеке как конечной точке и цели текстовой деятельности.

Антропокосмизм и проблема истины в филологии. Текст с позиций антропокосмизма содержит определенный *гносеологический потенциал* – целостный или частичный – и осуществляет движение к абсолютному знанию – к истине. В этой связи вскрывается одна из главных проблем филологии – *интерпретация истины*, которую еще В. фон Гумбольдт считал лингвистической проблемой.

Текст как познавательный механизм содержит результаты различного типа знания – религиозного, художественного, повседневного, которое может быть ошибочным из-за заведомо ложного толкования открывшегося знания или его неполного понимания автором. Как же выявить и интерпретировать истинное знание в тексте?

Истина при антропокосмистском подходе рассматривается в ценностном аспекте как «знание, интегрированное в культурный контекст», как «идеал знания и способ его достижения» [10. С. 172], т.е. как ценностно-культурное ядро текста. В таком понимании истинного знания мы опираемся на определение истины, предложенное Д. Андреевым в его религиозно-философском трактате «Роза Мира»: «Абсолютная истина универсальная есть неискаженное *отражение* в чем-то сознании *Большой Вселенной*, познанной “в себе”. Абсолютные истины, частные, суть неискаженные *отражения* какой-либо *части Вселенной* – части, *познанной в себе*» [9. С. 53]. Мы принимаем разделение «абсолютной истины» и «абсолютной частной истины» в трактовке Д. Андреева.

Стремление к истине в тексте определяет его гносеологический потенциал. Движение к истине – это направленный процесс самоорганизации текстовой лингвокультуры к целостному мировоззрению, формируемому через вербализацию абсолютных ценностей – жизни, любви, добра. «Ибо истина есть целое» [8. С. 36]. В литературно-философском направлении западноевропейского идеализма любовь понимается как «путь к глубинной истине», в «философии жизни» – как синоним самой жизни, в религиозном экзистенциализме (М. Бубер, Г. Марсель) – как прорыв из мира «оно» в мир «ты».

Каждый художественный, в особенности поэтический, текст содержит «индекс формирующей силы (*Gestaltung*) искусства» [11. С. 33]. Основания этой силы – высшая истина. «Чем выше порядок идей, тем совершеннее заложенная в них репрезентация» [11. С. 30]. Мы понимаем утверждение В. Беньямина так: чем больше асимметрия знака и его референта, тем абстрактнее значения данных знаков, тем точнее связь между обозначающим и обозначаемым, тем более совершенным он является, тем ближе подводит он читателя к пониманию истины.

О *третьей* сущности наряду с движением и материей (веществом, обладающим массой и полем, обладающим материей) – *активной силе* как новой философской категории, меняющей бинарные основания методологии науки на тринитарные – рассуждали еще древние философы (Аристотель, Платон, Пифагор, Евклид, Архимед), и сегодня она (активная материя) входит в культурологический, философский, математический, физический дискурс вместе с революционными исследованиями в области синергетики и требует переосмысления в филологической и, в первую очередь, лингвокультурологической методологии. «Порождая новое, активная сила становится креативной, а обновляющая динамика жизни принадлежит культуре» [12. С. 440]. Необходимо взглянуть на языковое творчество как уникальное *аттрактивное* свойство лингвокультуры, формирующее память, генетический код культуры.

Какая же языковая единица осуществляет движение к истине, содержит «индекс формирующей силы искусства»?

Приближение к истине, находящейся в центре памяти человечества, где исходит «действующая сила божественного вдохновения» (С.С. Аверинцев) [13. С. 186], осуществляется в метафоре, в которой «схватывается» абстрактное в конкретном. Восхождение от абстрактного (духовности) к конкретному (материи), происходящее в метафоре, актуализирует главный закон ноосферы, главный принцип восходящей эволюции. Метафора является универсальным познавательным механизмом и представляет собой центральную структурообразующую единицу текстовой лингвокультуры.

2.2. Гносеологические категории: метафора, абстрактное мышление, вселенское сознание, целостное мировоззрение как средства познания истины

В рамках антропокосмизма центральная познавательная категория – сознание – понимается не как индивидуальная психическая характеристика, а как высшее целостное коллективное знание, или ноосфера. Еще в рамках диалектического материализма было сформулировано определение человеческого сознания как высшей формы развития отражения, как всеобщего свойства материи. Именно в тексте актуализируется определенная модель сознания автора, в котором либо отражается *всеобщее знание*, являющееся абсолютной истиной, либо нет. Как было показано выше, возможно еще говорить о представлении частного знания в тексте, т.е. субъективного представления о мироустройстве, которое всегда является частичным, неполным (так называемая частная истина). Абсолютное или частное понимание мира и его представление в тексте осуществляются посредством универсальных познавательных средств, стремящихся к истине – метафоры и концепта.

Все лингвокультуры мира пересекаются одновременно или последовательно в точке единого знания – в точке абсолютной истины, в точке схождения метафор. Целью каждой лингвокультуры, ее абсолютным *интенционалом* является движение к истине в каждом тексте. Такой цели достигают не только научные, но и художественные (в первую очередь поэтические) тексты. «Существуют бесчисленные формы речи, каждая из которых содержит нечто вроде истинного бытия» [4. С. 32]. При этом многие современные тексты даже не пытаются отразить хотя бы частный образ мира, искажая его целостное представление. Поэтому выявление познавательного потенциала текста необходимо включить в теорию и практику филологических исследований текста, а центральной единицей лингвокультурологического анализа текста при антропокосмистском подходе следует считать метафору.

2.2.1. Метафора как средство познания истины. Метафора определяется нами в когнитивном аспекте как способность человеческого сознания к целостному отражению мира, как реализация универсального познавательного механизма аналогии, который выявил еще Аристотель. Текстовая метафорика становится предметом антропокосмистского изучения текста с целью выявления целостности, полноты отражения картины мира в тексте. Из всех познавательных механизмов именно метафора главным образом участвует в создании целостной картины мира через одновременное включение конкретных и абстрактных значений, через присвоение разнородным материальным объектам признаков принадлежности целому. Сходного мнения о познавательных текстовых процедурах, производимых через метафору, придерживается и В.А. Маслова: «...из некоторого еще не четко “додуманного” понятия формируется *новый концепт* за счет использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций» [14. С. 282]. Мы бы хотели добавить важную деталь: метафора формирует новое знание преимущественно за счет *присвоения абстрактных значений*. Чем больше метафора «осваивает» абстрактных значений гуманистического и жизнеутверждающего характера, тем больший антропокосмистский (лингвокультурный) потенциал она содержит, тем полнее «схваченная» ею картина мира.

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Мак Кормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике «Теория метафоры» (1990)) [15]. Зарубежные лингвокогнитологи Дж. Лакофф, М. Теренер [16, 17] выдвинули гипотезу инвариантности, основанную на предположении о сохранении *структуры окружающего мира* в проекции художественной метафоры. Образование текстовых смыслов соглас-

но общей «теории возможных миров» (Я. Хинтикка) происходит на стыке внутреннего и внешнего, реального и виртуального, объективного и субъективного. Асимметрия вербального мира человека (мира знакомых слов и известных значений) и референциального мира (мира непроизнесенных слов и несоединенных значений) служит необходимым условием движения к симметрии, достижение которой есть рождение метафоры.

Текстовая симметрия в гносеологическом аспекте – это достижение целостного отражения мира в тексте через метафору. Симметричное текстообразование происходит в результате «разворачивания» метафоры, т.е. через цепочку преодоления нетождественности (асимметрии) знака (определенной лексемы с конкретным значением) и его референта (некоторой абстрактной лексемы), выстраивающейся в ряде текстовых ситуаций – в моменты смыслового воздействия контекста и текста на систему словарных значений (денотатов). Структурно-композиционный аспект текстовой симметрии, а именно композиционных позиций, соответствующих принципу золотого сечения, уже продемонстрирован некоторыми современными авторами [18. С. 240].

Действительно, если текст содержит новый концепт, соединяющий абстрактное и конкретное – метафору, то он представляет большую познавательную ценность, поскольку расширяет привычную картину мира, предпринимает попытку познать «другое», необходимое для восстановления целостного представления.

Наибольшую познавательную ценность представляют поэтические тексты, в которых достигается максимальное приближение абстрактного и конкретного, одновременно реализуется множество значений, симметрично выстраиваются вербальный и референциальный миры, рождается новый целостный образ – метафора. В этом смысле метафора является способом неискаженного (симметричного) отражения мира, а значит, и постижения истины. Еще в средневековой христианской литературе метафоре отводится роль «священного писателя», «музыкального инструмента», на котором играет Святой Дух [9. С. 187].

Метафора как познавательный механизм является «незаменимым орудием мышления и выражения чувств, характерным для всякой человеческой коммуникации, даже научной» [19]. Действительно, метафорическое мышление при всей своей кажущейся недостижимой совершенности является наиболее естественным способом человеческого мышления, поскольку метафорическое «схватывание» целого является возможностью творческого постижения универсального смысла, смысла бытия – постижения истины. Э. Бенвенист называет эту связь, существующую внутри языка между обозначающим и обозначаемым, не произвольной, а необходимой [20]. Вместе с тем метафора неповторима (как и любое творение человека) и представляет собой систему индиви-

дуально-авторских, относительно редко употребляемых языковых форм, «оживающих» под пером писателя или поэта. «Способ представления (репрезентации) знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя знания. <...> Когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре» [21. С. 25]. Поэтому метафора как познавательное средство, передающее информацию о структурном единстве Вселенной, природы и человека, представляет возможность для постижения целостного образа мира, его смыслов, которые суть истина для каждого творца текста и каждого читателя.

Осознавая уникальные познавательные возможности метафоры, направляющей человеческое познание к его когнитивным пределам, современная филология должна признать необходимость переведения всех идей о познавательных возможностях языка, сформулированных в прошлом столетии и составляющим сегодня фундамент философии языка, в плоскость *теории языка* и сферу ее практического применения, в первую очередь – в практику филологического исследования текста. Так, труды выдающихся филологов в области поэтической метафористики позволяют переосмыслить уникальные познавательные возможности тропов и оценить текст с позиций его познавательных свойств и функций. Еще А.А. Потебня писал о языке как способе мышления и двух главных речевых механизмах мысли – метафоре и метонимии, Б.В. Томашевский исследовал безграничные возможности изменения значений метафорическими языковыми средствами, а польский литературовед Е. Фарыно пошел еще дальше – он сформулировал функцию изменения значений метафоры и других образных средств – *моделирование мира*. Современные филологи (М.Л. Ремнёва, Л.В. Чернец, Л.А. Маркина, А.В. Архангельская, В.Б. Семёнов и др.) вплотную подошли к пониманию различия когнитивной функции разных образных средств языка: «Перенос значения слова в этих тропах основан на разных принципах, они по-разному направляют мысль» [22]. Осталось лишь установить эти принципы, задающие направление текстопостроения, и определить текст как *гносеологическую величину*, содержащую несомненное *знание о мире* – целостное или частичное. Такая оценка текста необходима на современном этапе текстовой эволюции, когда количество создаваемых человечеством текстов становится непостижимой величиной, а идеи и системы знаний о мире, передаваемые в толще этих текстов, нуждаются в серьезной верификации.

Язык, являясь главным познавательным орудием человека, должен овладеть методами оценки полученных им результатов – знаний о мире. Антропокосмистское изучение текста позволяет выявить его *познавательный потенциал*, вершиной которого становится восхождение от абстрактного (духовности) к конкретному (материи), достигаемое в *метафоре*.

Текстовая метафора является на сегодняшний день единственным языковым средством оценки текстовой деятельности как познавательной деятельности. Метафора создает *целостный образ мира* через *присвоение абстрактных значений, которые конкретизируются и закрепляются в цепочке контекстуальных значений*. Функции контекста в реализации семантических свойств метафоры выявлены Ж. Вандриесом, Е.Т. Черкасовой, Н.А. Басилая, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия и др.) [23–27]. Через метафору в тексте передаются высшие смыслы человеческой деятельности, знания об абсолютных ценностях, реализуется антропокосмистская задача по восхождению человеческой мысли от абстрактных оснований к конкретному пониманию структурного единства Вселенной. В рамках теории номинации метафора представляет собой «единицу вторичной косвенной номинации» (Ж.А. Вардзелашвили) [28], т.е. такой номинативный знак, который основан на переносе значения и «представляющий собой ту разновидность переносного значения, которая держится на сходстве образной основы, обусловленном наличием общего признака между прямым и переносным значением» [28]. Метафора, создаваемая сознанием в момент отражения некоторого сходства предметов и явлений окружающего мира, осуществляет высшую познавательную функцию, передавая высшее знание о структурном единстве через конкретные языковые значения определенных текстовых ситуаций, может и должна являться средством определения истинного знания в тексте.

Значит, чем более метафоричной является текстовая структура, тем больше его *культурно-познавательная ценность*, тем выше уровень развития мысли он демонстрирует, тем больший пройденный путь духовного восхождения в нем запечатлен.

2.2.2. Познавательные возможности концепта. Метафора соотносится еще с одним познавательным средством – концептом, присвоение абстрактных значений которым «превращает» его в метафору. В своем понимании концепта мы следуем за определением Ю.С. Степанова, назвавшего концепт «фактом культуры» [29. С. 41], состоящим в осознании неких *связей* между предметами или явлениями природной или социальной действительности, их познании в системе человеческой жизнедеятельности, наделении их определенным *значением* и, следовательно, значимостью (смыслом). Если метафора – это отнесение к какому-либо абстрактному значению по аналогии, результатом которого является отражение целого мира в конкретном слове или группе слов, то концепт – это помещение некоторых связанных значений в определенный культурно-исторический контекст, без чего невозможно оценить значимость какого-либо явления или события. В.А. Кухаренко называет претворение идеи – концепта – в художественном тексте основой творческого процесса [30. С. 75].

И если для «формообразования» метафоры достаточно двух слов, то для «оформления» концепта необходим текст, задающий культурный контекст, в котором и рождается смысл – связанная последовательность значений.

Текстовый концепт – это система смыслов и значений, выраженная в тексте имплицитно или эксплицитно, представляемая как *сжатая обобщенная схема сюжета* (набора текстовых ситуаций и смысловой логики их развития). Актуализация (текстуализация) концепта – выражение концепта в тексте, т.е. оформление связей между объектами действительности текстовыми средствами.

Важным для антропокосмистского изучения концепта представляется его потенциал абстрагирования, приближающий его к метафоре, целостному представлению о мире; а также создание им второго слоя глубинной семантики текста, содержащей ценностные значения и формирующей текст культуры, собственно лингвокультуру. Концептуальность художественного текста является лингвокультуротворческой категорией.

2.2.3. Абстрактное мышление как условие постижения истины: потенциал выявления целостного мировоззрения в тексте. Уровень «мета», выдвигаемый при антропокосмистском исследовании текста как явления планетарного сознания, необходим для выявления его *интегративного потенциала*, а именно особой текстовой способности к такому типу метатекстуальной, идейной организации, который репрезентирует преодоление межконфессиональных, межкультурных различий и *единые ценностные основания* на всех уровнях текстопостроения (лингвистических и текстуальных). Иными словами, антропокосмизм создает необходимые основания для изучения истины как стремления к высшей (нравственной) познавательной способности текстовой лингвокультуры, как отражения *целостности и нравственности* мировосприятия через *словесный текст*. «Герменевтика, соответствующая нашей исторической экзистенции, должна была бы иметь своей задачей развертывание тех смысловых связей языка и беседы, которые мы не замечаем (*hinwegspielen*)» [4. С. 36].

Значимость изучения глубинных семантических процессов, управляющих текстопостроением, выстраивающих в нем целостное восприятие мира, так называемое ноосферное мировоззрение, необычайно возрастает в связи с необходимостью преодоления ограниченности национальных менталитетов и построения универсальной текстовой метакультуры человечества, объединенной высшим со-знанием духовной общности в ноосфере. Ноосфера, по В.И. Вернадскому, – это «высшее энерго-информационное единство», а ноосферное мировоззрение состоит в духовном и нравственном совершенствовании. Чтобы текст стал

«ноосферой» – частью целого, или «схватил» это целое (т.е. представлял частную или абсолютную истину), его автору необходимо развить ноосферное мировоззрение, т.е. способность к нравственному отражению знаний о мире, в котором человек и космос имманентны друг другу.

В каждом тексте реализуется определенный тип мировоззрения, т.е. представление автора о мире, система связей и оценок, оформленная языковыми средствами, что, собственно, и составляет текстовую *лингвокультуру*. Некоторые текстовые лингвокультуры могут содержать лишь частичное видение мира, представлять лишь отдельный угол зрения и формировать отдельные фрагменты духовной истории какого-либо народа. В этом случае, по Д. Андрееву, возможно говорить лишь о воплощении в тексте «частных абсолютных истин». Если же в тексте преломляется не отдельный элемент картины мира, а целостное представление о нем, то возможно говорить о достижении высшего типа языковой деятельности – восхождении от абстрактного мышления к конкретному, свидетельствующего о высоком уровне лингвокультурного развития. Текст, представляющий целостное мировоззрение, актуализирует *интеграл познавательной способности текстовой лингвокультуры определенного народа*.

Цельность ноосферного мировоззрения достигается в максимальной связанности значений (под максимумом мы понимаем наиболее абстрактные референции) в конкретно-историческом контексте. Такая высокая «вертикаль» связанного знания доступна только текстовой метафоре. Еще П. Флоренский выявлял в слове (в значении термина «Логос») способность к обозначению высшего знания, заключающегося в «цельности» и «органичности» знания, «характеризующегося равновесием ума и сердца, анализа и интуиции» (цит. по: [13. С. 278]).

3. О принципах и приемах антропокосмистского анализа текста

На настоящий момент в филологии назрела необходимость пересмотра традиционных схем анализа текста, которым не хватает цельности при проведении множества отдельных аспектов исследования. Все существующие направления исследования текста прорабатывают отдельные элементы непрерывной цепи связей текста с психической, культурной и внетекстовой действительностью (антропоцентризм, когнитивистика, культурология, прагматика текста, прикладная лингвистика). Они также являются продуктивными и, безусловно, имеют огромное значение для филологии при выявлении отдельных частных аспектов текста.

Новой целью современной филологии, в первую очередь теории языка, является определение значимости того или иного текста в культуре, его роли в стратегии развития человечества, находящегося на очеред-

ном межвековом и межтысячелетнем перепутье, когда необходимо сделать выбор ценностей для всеобщего распространения. Современным антропоцентристским исследованиям при всем их очевидном многообразии явно не хватает единства мнения по очень простым, но самым главным вопросам – как жить дальше в условиях борьбы за территории и недра Земли, в условиях разжигания межнациональных конфликтов? Что или кто спасет мир? Какие книги читать детям? На эти вопросы отвечает антропокосмистская научная парадигма, создающая необходимые критерии для определения ценностно значимого в культуре для возможности дальнейшего существования человечества и его восходящего развития. Антропокосмизм в филологии ставит проблему значимости текста в культуре и делает возможным выявление текстов, транслирующих идеи единства, любви и добра.

Каким же должен быть новейший филологический анализ текста, целью которого является определение его культурологического статуса? Что он должен исследовать?

Во-первых, для понимания культурологической значимости текста и его места в эволюции человеческой мысли необходимо определить текст как лингвокультурологический феномен:

Текстовая лингвокультура – способ текстовой деятельности по созданию, хранению, передаче и обогащению гуманистических смыслов человеческой деятельности. Текстовая лингвокультура того или иного культурно-языкового сообщества отражает *уровень развития его лингвокультуры* (т.е. уровень абстрактно-гуманистических оснований общественных отношений и их формирование, закрепление и обогащение в текстах данного народа) и *тип аксиологии лингвокультурного развития* (в частности – текстовые концепты, в целом – программу, стратегию, направление развития общественной деятельности, актуализируемую в тексте).

Развитие лингвокультуры – развитие гуманистических начал мышления, знаний и абстрактных представлений в языке и тексте. Тип и стратегия мышления обуславливают тип текстовой лингвокультуры и стратегию ее развития. Язык является «непосредственной действительностью мысли» [31. С. 606]. Закрепление и обогащение абстрактно-гуманистических оснований общественных отношений в текстах того или иного народа происходит на уровне присвоения все новых абстрактных значений концептам «общество», «человек» и наделение их гуманистическими коннотациями, т.е. их отнесение к высшим общечеловеческим ценностям.

Тип аксиологии лингвокультурного развития необходимо исследовать через анализ значений концептной парадигмы текста «ценности человека в обществе». Тексты, в которых прописана модель идеального

мироустройства, т.е. идеальная система ценностей человеческого общества, являются *программными* текстами лингвокультуры. Следуя за мыслью Ю.М. Лотмана о том, что каждая идея художника реализуется в его модели действительности, мы отводим огромную роль исследованию связей текста и действительности, в особенности таким текстам, которые формируют конструктивную модель действительности (выполняют «моделирующую функцию» (Ю.М. Лотман)) на основе абсолютных ценностей.

Исходя из выявленных свойств текста, представляется возможным обозначить **функции текста в культуре**, выражающие его значимость и обуславливающие критерии его анализа:

1. Творческое новаторство (метафоричность).
2. Гуманистическое преобразование системы ценностей (концептуальность, включение в текст абсолютных ценностей).
3. Создание целостной картины мира (метафорическая концептуальность).

Во-вторых, для определения функции текста в культуре следует исследовать ценностно-смысловые единицы текста – метафору и концепт, обладающие безусловной лингвокультурообразующей значимостью.

Концепт формирует текст культуры, создает в нем контекст ценностных значений и превращает последовательность этих значений в смысл. Текст содержит абсолютную истину, если его ядерный концепт метафоричен, т.е. в конкретной последовательности культурно-исторических значений содержится отнесение к абсолютным ценностям – жизни, любви, добру.

Используя антропокосмистский подход, возможно проанализировать **ядерные концепты** современной текстовой лингвокультуры и выявить:

– *ценностно-абстрактное содержание* ядерных концептов современной текстовой лингвокультуры, реализуемое в значениях о неразрывной связи человека с природой и космосом и лексической парадигме «абсолютные ценности» (а именно любовь, жизнь, благо). Абсолютные ценности *выводятся нами из десяти заповедей*, единых культурно-ценностных оснований всех религий и народов во все времена. Именно через абсолютные ценности, *главной из которых является любовь*, реализуется способ выявления отношения к чему-либо и проявляется единственный способ познания ценностей [32]. К другим абсолютным ценностям относятся вера, надежда, жизнь, добро, благо, гармония, красота. О частных проявлениях абсолютной истины в тексте, т.е. неполном отражении целостной картины мира, может свидетельствовать его метафоричность без помещения в конкретный культурно-исторический контекст или концептуальность без связывания с абстрактными значениями, без отнесения к абсолютным ценностям;

– **хронотоп** ядерных концептов современной текстовой лингвокультуры (особое понимание *времени и пространства*, проявляющее высокую степень ответственности за прошлое, настоящее и будущее и их связанное представление в тексте) и его стремление к интегралу ноосферного мировоззрения.

Метафора за счет своей способности к «сжатию» целой картины мира в слове, одновременному отражению абстрактного и конкретного, делает понятным абстрактное и значимым – материально-конкретное. Текст через метафору достигает высшей формы целостного отражения образа мира. Чем выше порядок идей (образов мира, ценностно-абстрактных метафор) в тексте, тем ближе он к представлению истины, тем сильнее ценностно-смысловое ядро лингвокультуры, и тем дольше будет «звучать» текст в коллективном, «соборном» сознании человечества.

Способом верификации истины в филологии, таким образом, становится выявление метафоры (абсолютных ценностей) в ядерном концепте текста, а именно обнаружение высшего ценностно-абстрактного значения в конкретных контекстах, формирующих концепт.

Итак, изучение текстовой лингвокультуры в антропокосмистском ракурсе – исследование картины мироздания, переданной текстовыми средствами (через хронотоп, композицию, сюжет, вселенские образы и др.), изучение достоверности знания, передаваемого вербальными средствами, понимание внутренних закономерностей метаистории через анализ метафоры – поэтического познавательного средства, способного проникнуть в законы естественной природы еще до открытия их учеными.

По мнению Х.-Г. Гадамера, поэтическое знание переходит границу объективированности и снимает необходимость доказательства: «Не всегда доказательство можно рассматривать как подходящий путь для того, чтобы привести другого к пониманию. Мы то и дело переходим границу объективируемости, с которой по своей логической форме связано высказывание. Мы постоянно живем в формах сообщения того, что не объективируемо, в формах, подготовленных для нас языком, в том числе языком поэтов» [8. С. 33]. Антропокосмистский подход к исследованию языковой реальности – это необходимая на сегодняшний день смена методологии изучения текста, предлагающая рассмотрение текста как познавательного средства, осуществляющего движение к абсолютному знанию через метафорические слои глубинной текстовой семантики.

Филология как наука о любви к слову должна совершенствовать культуру речемышления, стремиться к нравственным высотам языкового сознания, требовать их от творца текста, развивать лингвокультуру каждого читателя и изучать способы текстуализации истинно антропных объектов, имеющих масштабы планетарного и космического значения. В отличие от антропоцентризма, позволяющего в принципе любое спон-

танное направление развитие текстовой культуры, антропокосмизм довольно жестко указывает на единственно возможное направление развития языковой способности человека в сторону осознанной гуманизации. Антропокосмизм позволяет постичь особую эволюционную роль слова, его значимость в общем движении человечества по историческому полю, а также необходимость трепетного отношения каждого говорящего человека к своей языковой способности.

Литература

1. *Русский* космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; вступ. ст. С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; прим. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
2. *Конрад Н.И.* Заметки о смысле истории // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 2. С. 3–30.
3. *Холодный Н.Г.* Избранные труды. Киев, 1982. С. 175–180.
4. *Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. Верный, 1906. Т. 1; М., 1913. Т. 2.
5. *Бердяев Н.* Философия свободы. М., 1989.
6. *Буданцев Ю.П.* Очерки ноокоммуникологии (Массовая коммуникация в ноосфере). М.: МНЭПУ, 1995. 180 с.
7. *Finke P.* 1984 – Konstruktive Selbstthematierung: Eine metatheoretische Studie zur Linguistik und Literaturwissenschaft // Analytische Literaturwissenschaft. Braunschweig; Wiesbaden, 1984. S. 9–40.
8. *Гадмер Х.-Г.* Что есть истина? // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. Вып. 1. С. 30–37.
9. *Андреев Д.* Роза Мира. М.: Эксмо, 2010. 800 с.
10. *Касавин И.Т.* Истина // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М.: Мысль, 2001. Т. 2. 635 с.
11. *Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. 288 с.
12. *Баранцев Р.Г.* Активность как атрибут бытия // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: тез. докл. и сообщений. СПб.: ЭЙДОС, 2010. 556 с.
13. *Аверинцев С.С.* Собрание сочинений. София-Логос. Словарь. К.: Дух и Литера, 2006. 912 с.
14. *Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
15. *Теория* метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
16. *Lakoff G.* Cognitive Versus Generative Linguistics: How Commitments Influence Results // Language and Communication. 1990. Vol. 1, № 1.
17. *Turner M.* What is the *Invariance Hypothesis*? // Cognitive Linguistics. № 1. P. 247–255.
18. *Москальчук Г.Г.* Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
19. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. URL: http://www.fidel-kastro.ru/psihology/beitson/ek_razum.htm (дата обращения: 20.08.2012).
20. *Бенвенист Э.* Природа языкового знака // Общая лингвистика. М., 1974. С. 90–96.
21. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующей

шего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

22. *Лингвокультурологический* тезаурус «Гуманитарная Россия». URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&raz=4&pod=2&par=3> (дата обращения: 20.08.2012).

23. *Вандриес Ж.* Язык: лингвистическое введение в историю. М., 1937. 410 с.

24. *Черкасова Е.Т.* Опыт лингвистической интерпретации тропов (Метафора) // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 28–38.

25. *Басилая Н.А.* Семасиологический анализ бинарных метафорических слово-сочетаний. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1971. 78 с.

26. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксические функции метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1978. Т. 37, № 3. С. 251–262.

27. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / АН СССР. Ин-т языкознания. М. : Наука, 1981. 269 с.

28. *Вардзелашивили Ж.А.* Языковая метафора как универсальная лингвистическая категория. Материалы Международной научной конференции. Тбилиси, 2000. URL: <http://www.vjanetta.narod.ru/lingv.met.html> (дата обращения: 20.08.2012).

29. *Степанов Ю.С.* Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.

30. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение, 1988. 192 с.

31. *Маркс К.* Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.

32. *Шелер М.* Избранные произведения / пер. с нем.; сост., науч. ред., предисл. А.В. Денежкина ; послесл. Л.А. Чухиной. М. : Гнозис, 1994.

ANTHROPOCENTRISM vs ANTHROPOKOSMISM: ON THE PROBLEM OF METHOD IN CULTURAL LINGUISTICS

Belyatskaya A.A.

Summary. The article raises the problem of text analysis methodology in cultural linguistics. Serious theoretical grounds are proposed for introducing anthropokosmism as a mainstream of linguocultural text studies.

Key words: methodology of cultural linguistics; anthropokosmism and anthropocentrism; categories and criteria of linguocultural text analysis; concept; metaphor.